

Живет в Харькове (Украина). О себе: "Публикуюсь везде, кроме "толстых" журналов. Никогда не был членом союзов или обществ."

Государство

На том мосту, где все потоки бреда
Впадают в Бредовитый океан,
Стоит гигант, вещая о победах,
Конкретно этой, лучшей среди стран.

С его плеча съезжает горнолыжник,
Его висок штурмует альпинист,
Его слова прочнее, чем булыжник,
Быстрее стаи легкокрылых птиц.

Есть глубина в его абракадабрах,
Летящих с бредовитых берегов,
И даже конь захочет стать кентавром,
Привычно внемля голосу его.

В его мошонке издавна живут:
Законов блохи, с лапками из стали,
Приличия неторопливый спрут,
Ягненок веры с хитрыми глазами.

В его желудке есть большой отдел,
Для тех, кто недостаточно стремится,
Для тех, кто видит, знает. Наш удел -
В его кишках, как борщ, перевариться.

Что делать мне, когда я слаб и мал,
Не очень-то способен на коварство,
И мысли те, что я с трудом собрал,
Привычно плющатся под весом государства?

2.

Если кошка рождает ненужных котят,
Мокрых сереньких крошек, слепых и глухих,
Каждый меньше сардельки, но больше червя,
То придется, увы, избавляться от них.

Этот тощий и выглядит, будто облез,
Этот черный - и рыжего хвостика нить,
А вот этот совсем никакой, и его
Уж придется как можно скорей утопить.

Он умел бы мурлыкать в хозяйских руках,
Он бы мог по утрам спать с ребенком твоим,
Твой мобильный случайно столкнуть со стола,
И в футбол поиграть без стеснения с ним.

Он бы мог прикорнуть у тебя на груди,
Рыбий хвост утащить, чтобы съесть под столом,
И испортить диван, разодрав его в пух,
Извиняясь, тереться о ногу потом.

Но чужая рука уж его подняла.
Мамин теплый живот потеряв навсегда,
Он успеет сказать свое глупое "пии", -

Сердца стук - и над ним уж сомкнулась вода.

Миллионы столетий старалась земля,
Чтобы сделать такого, и вот тебе на,
Слишком много пушистой любви развелось,
Слишком дешево стоит сегодня она.

*

Слишком много поэтов на этой земле,
Слишком много стихов проросли в никуда,
И поэтому, после их первого "пии",
Большинство замолкает, - увы, навсегда.

Они тоже могли бы дарить небеса,
Жечь глаголом и выпить бессмертия яд,
Звать на подвиг толпу, но практичная жизнь
Их хватает и топит, как малых котят.

3.

Я буду тем же.
В тот весенний вечер,
когда "сегодня" станет "никогда",
другой накинёт золото на плечи
и выйдет в сад, где дымная звезда.
Несуществующих
забывчивая память
не сохранит мой лжепонятный стих.
Но будут дети, поднимаясь, падать,
совсем как я – взрослея каждый миг.
А вырастая, станут потешаться
над бреднями истлевших стариков,
над войнами, пороками, несчастьем
прошедших снова сорока веков.
И будут жить –
отыскивая тайны,
слагая теоремы и стихи,
не ведая, что разум – наказание
за древней неразумности грехи.
Я буду тем же:
вера, воля, верность
и мириады собственных химер.
Я проращу сквозь треснувшую древность,
сквозь сотни сот

великолепных эр.
И будет сад.
И в нем ночная птица.
Над ним звезда. И яблоня, как снег.
И будет в сердце нерожденных биться
мой каждый сладкий,
лжепонятный грех.
Я буду тем же...